

Анна Чайковская

Офис

Простая жизнь... и какие подводные
камни она может таить для тех, кто к ней
не привык

Анна Чайковская

**Офис. Простая жизнь... и какие
подводные камни она может
таить для тех, кто к ней не привык**

«Издательские решения»

Чайковская А. А.

Офис. Простая жизнь... и какие подводные камни она может таить для тех, кто к ней не привык / А. А. Чайковская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850574-4

Обстоятельства сложились так, что Юля, богатая и беззаботная бездельница, представительница «золотой молодежи», по настоянию своего тирана-отца вынуждена пойти работать... в обычный офис! Юля в ярости, ведь это совсем не то, о чем ей всегда мечталось! Однако, на новой работе Юлю ждет сюрприз. Начальник Сергей — это просто мужчина ее мечты. Если бы еще он не был женат на одной весьма неприятной особе... Впрочем, Юлю это мало волнует. Девушка готова сделать все, чтобы добиться взаимности.

ISBN 978-5-44-850574-4

© Чайковская А. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	7
2	11
3	14
4	17
5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Офис
Простая жизнь... и какие
подводные камни она может
таить для тех, кто к ней не привык

Анна Александровна Чайковская

© Анна Александровна Чайковская, 2017

ISBN 978-5-4485-0574-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Знаете ли вы, как скучна и невыносимо однообразна бывает жизнь в российской глубинке? А если речь идет о дальнем севере, где природа и климат навевают еще больше уныния, чем невысокие зарплаты и московские цены в магазинах?

Сибирск – один из многих городов, раскинувших свои невзрачные серые панельки вокруг градообразующего предприятия. Повсюду дымят трубами заводы, заводы, заводы. Фильтрующие, перерабатывающие, превращающие в современные высокотехнологичные материалы черную кровь этой земли – нефть. Город крупный, миллионник, но до чего же унылый.

Горожане четко делятся на две категории: работники фабрик и Начальники. Выйти из низшей касты и перейти в более высокую – практически нереально. Весь городок пронизывает незримая паутина родственных связей и кумовства.

Хорошо это или плохо? Большинство жителей Сибирска об этом просто не задумывается. Жизнь идет своим чередом, долгая зима выматывает, воздух пропитан промышленными отходами. Здесь нет как таковой полярной ночи, но день осенью и зимой неприлично короток. Кто побогаче, регулярно летает в теплые края, иначе и в депрессию впасть недолго.

Впрочем, здесь вся жизнь – депрессия. Привычная, незаметная, порой даже милая сердцу, но высасывающая жизненные силы по капле день за днем. Редкие гости из столицы, прибывающие в Сибирск с рабочими визитами, все как один отмечают тяжелую и неприятную ауру этого места.

Это один из тех городов, откуда хочется поскорей уехать.

1

Осенний дождь все барабанил и барабанил по асфальту, казалось, он не закончится никогда. От такого впору захандрить, впрочем, для расстройств у Юли и без того хватает причин. Ну отец, ну гнида! Как он только мог с ней так поступить!

Две закадычные подружки Юля и Лера уже полчаса сидят у окна в уютном кафе, глядя, как ручьи воды стекают по стеклам французских окон и обсуждают безграничную подлость Юлиного отца, который... Да просто нет слов!

– Сука! Гнида! Ненавижу старого козла! – Юля обильно выпускает дым через ноздри и рывками стряхивает пепел с длинной тонкой сигареты. Ее густая прямая челка подрагивает от возмущения, холеное личико искажено гримасой злости, нет даже не злости, самой настоящей ярости.

(Юля ухожена до такой степени, что сложно понять: красива ли она от природы. Русые волосы чуть ниже плеч переливаются холодным блеском, кожу покрывает легкий загар, улыбка сверкает ослепительной белизной, фигура отшлифована долгими часами в тренажерном зале. Плюс дорогие шмотки, в меру подкачанные губы, ресницы-опахала, сделанные в дорогом салоне красоты. В общем, о том, что у нее тяжелая челюсть, широкий лоб и маленькие глазки, знает лишь сама Юля.)

– Юль! Ты что! Нельзя так про отца! Иван Сергеич такого не заслужил! Никогда так не говори, слышишь, никогда!

Лера, куколка-блондинка с огромными голубыми глазами, глядит на свою визави со священным ужасом. Они вместе со школы. Лерка симпатичная, туповатая, смотрит Юле в рот и ловит каждое ее слово. Идеальная подружка. Юля на ее фоне всегда выгодно смотрится, не в плане внешности, нет. С глупышкой Лерой Юля кажется себе еще умней, ее отменный вкус в одежде еще больше бросается в глаза рядом с Лериными джинсовыми мини-юбками, на фоне подружкиного вечного «блин» Юлина эрудиция сверкает всеми гранями. Юля в глубине души презирает дурочку, но и без нее уже не может. А Лера, в свою очередь, всегда готова выслушать и прийти на помощь. Да только чем сейчас Юле поможешь?

– Сволочь! На двадцать тысяч в месяц! Меня! В вонючий офис, с девяти до шести! За что, Лера, за что он так со мной!? И ведь не докажешь гниде ничего! Говорит, на западе дети миллионеров в Макдональдсе работают! У-у-у! Убила бы падлу!

– Блин, Юля. Там же условия в этих офисах... Ни кондиционеров, ни отопления нормального, ни, извиняюсь, биде. А обедать где? Ты все здоровье испортишь. Ты можешь ему так и сказать?

– Двадцать тысяч! Наша Райка больше получает! И я буду торчать там весь день, и хрен меня кто раньше отпустит! Фитнес, бассейн, косметолог? Забей, Юля! Ты теперь рабочий класс! Обойдешься!

– Господи, Юлечка, бедненькая ты моя... Даже не знаю, чем тебе помочь...

– Говорит, выйдешь замуж – делай, что хочешь. А на моей шее ты сидеть не будешь. Говорит, я в своем доме тунеядцев и бездельников не потерплю! Совок конченый!

– Юль, ну если он прям ТАК хочет, чтобы ты работала... Ну пусть бизнес тебе подарит. Но не ходи же на кого-то горбатиться за копейки. В конце концов, это просто унижительно.

(Ах да. Что там Лера говорила? Ее мать, владелица нескольких магазинов одежды, помнится, обещала дочурке магазинчик подарить, если той вдруг надоест бездельничать или личная жизнь не сложится. Так то Леркина мать, адекватная баба. Дура ты, Юля, дура! Надо было не выпендриваться, выходить за Артема. Кретинка, знала же, что у тебя отец – идиот.)

– А его е...т? Говорит, я сам всего в жизни добился, говна хлебнул, и ты, доча, давай. Вперед и с песней.

– Но ты же де-е-е-евочка. Блин. Надо было выходить за Артема, вот и все.

От того, что Лерка озвучила вслух ее собственную недавнюю мысль, у Юли окончательно сорвало крышу. Да будет она еще ей советовать, дебилка!

– Выходить за Артема? Выходить за Артема!? Ты вообще понимаешь, о чем говоришь? А ничего, что я его не люблю, не люблю! Сколько встречались, так и не смогла полюбить! Мелочи, да? Что, если у меня отец – деспот, я теперь должна похоронить себя с нелюбимым мужчиной!? Ты, Лерка, соображаешь, что несешь!? Ты сама-то смогла бы ТАК?

– Юль, Юлечка... Т-ш-ш-ш... Т-ш-ш-ш... Успокойся, успокойся, вон на нас смотрят уже... Юлечка, я так тебе сочувствую, так сочувствую, я просто не знаю, чем тебе помочь, ну правда.

– Да ничем ты мне не поможешь, Лер. Придется мне идти в этот офис и там батрачить. Но за Артема я не пойду, лучше сдохнуть.

– Ну если так...

Юля тяжело вздыхает. Надоело это все мусолить. Действительно, помочь ей Лера ничем не может. И послушаться отца она, Юля, не посмеет. И за Артема не выйдет. Так смысл сидеть, переливать их пустого в порожнее? Лучше не будет.

Юля вдруг чувствует себя такой одинокой... Она устала, только от чего, непонятно. Она хочет побыть одна.

– Счет принесите!

– Юль, уже уходишь! Давай еще посиди-и-им!

Надоела. Этот птичий щебет не может не раздражать. Сидит тут вся из себя беззаботная, а Юле завтра, между прочим, к девяти в офис этот занюханный, который еще и находится у черта на куличках.

Юля поспешно распрощалась с подружкой, несмотря на ее бурные протесты.

***

Она уже подъехала к дому, достала ключи от гаража, и тут Юлю осенило: а ведь эта дуручка Лера неплохую идею ей подкинула! Точно! Так она отцу и заявит, мол, давай, покупай мне готовый бизнес, а на кого-то там горбатиться не стану!

Загнав машину в подземный гараж, Юля поднялась по лестнице в дом.

Отец валялся на огромном кожаном диване с неизменным бокалом виски в руке, кто бы сомневался. Старый алкаш!

Юля решила не жевать сопли и идти напролом, как в последний бой. Иначе эту скотину не прошибешь. Так, руки скрещены на груди, голос твердый, взгляд немигающий.

– Я завтра никуда не иду.

Иван Сергеич досадливо поморщился. Он явно был уверен, что сопротивление дочери давно сломил.

А Юля все шла в атаку, перла как танк, не успевая даже перевести дыхание. Если она его сегодня вечером не уломает, то кранты! С завтрашнего утра – здравствуй ранний подъем и задрипанный офис в спальном районе.

– Не пойду и все. И ничего ты мне не сделаешь. Хочешь, чтобы я работала? Да не вопрос! Вон готовых бизнесов на продажу – как грязи! Купи мне какой-нибудь, а, папочка? Я даже не стану требовать что-то слишком крутое. Так, салон красоты, магазинчик, на первое время сойдет. А ходить на кого-то горбатиться я не буду. Слышишь – НЕ БУДУ! И никто бы на моем месте не пошел! Получать меньше собственной домработницы! Да это абсурд просто!

– Все сказала?

(Спокойный, сволочь, как удав. Ничем его не проймешь. Но Юля знает: в таком состоянии он особенно опасен. Уж лучше бы орал, стучал, пускал пену изо рта. Ну что ж...)

– Так вот. А теперь, Юлия Ивановна, слушай сюда. Никаких готовых бизнесов тебе никто покупать не станет. Захочешь – сама заработаешь и купишь. И ничего на тебя с неба сыпаться

не будет, заруби себе это на носу. Далее. Хочешь бизнес? А ты узнай-ка сначала цену деньгам, опыта наберись, прочувствуй на своей, так сказать, шкуре, каково это – работать, вкалывать, как деньги достаются, да-а-а... А покупать соплячке бизнес, чтобы она его потом профукала? Я еще из ума не выжил.

– Да... Да ты... Я просто...

– Что, доча? Нечего возразить-то? Нечего. А значит, завтра пойдешь и как штык чтобы...

– А не пойду. Вот не пойду и все!

– Вот ты как заговорила. Значит так, Юлька. Одна у меня дома уже досиделась, допилась до белой горячки, прости господи. Все от лени, все от безделья. Угробила себя, тебе психику искалечила...

– Да заткнись ты! Будешь ты еще на маму рот раскрывать! Ты, ты ее довел до такого состояния, и никто другой! Да ты сам пьешь, как не знаю кто, каждый вечер с бутылкой сидишь! Будешь ты еще говорить!

Как пишут в бульварных романах – и не один мускул не дрогнул на его лице. Иван Сергеич и бровью не повел, зря что ли столько лет держит весь Сибирск в ежовых рукавицах... Встал, подошел к дочери с выражением лица вполне даже добродушным.

– Вискарем меня, значит, доча, попрекаешь? Что-то ты борзая стала не по годам. Никакого уважения к старшим. На вот, охолони немного.

Господи! Юля даже не сразу сообразила, что именно произошло. Противные струи какой-то жидкости потекли по спине, полупрозрачная блузка вмиг намочла и прилипла к лопаткам. Стало жутко холодно и неудобно. Этот старый упырь вылил ей за шиворот практически полный бокал виски! Со льдом, между прочим!

– Ну что, остыла? А теперь ступай. И чтоб завтра – как штык! А не пойдешь – все твои карты будут заблокированы, и ключи от машины мне отдашь, как миленькая! Еще вопросы?

В голосе Ивана Сергеича уже звучал неподдельный лязг металла, и Юля предпочла ретироваться наверх.

***

(Тайна смерти Екатерины Строговой, Юлиной матери, так и осталась нераскрытой. Падение с лестницы в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения, в крови нашли очень много промилле, Юля не помнит точную цифру, но суть в том, что не каждый мужик-запойный алкаш в состоянии принять такую дозу «горячительного». Упала ли она случайно, было ли это неуклюжей попыткой самоубийства или причинения себе вреда в состоянии аффекта, а может, ей кто-то помог? Вопрос так и остался открытым. Несмотря на то, что следствие таки поверило в «неудачное стечение обстоятельств» (не без помощи Юлиного отца, разумеется), Екатерину почему-то не отпевали в церкви.

Да, Катя Строгова, бывшая модель, обладательница титула «Мисс Сибирск», пила, и пила очень много. Курила как паровоз всю жизнь, дочь толком не занималась, все время какие-то сомнительные знакомые, подружки, которых отец отваживал от дома с эксцессами и скандалами. Не сказать, чтобы Юля ее сильно любила, но... Мать есть мать. После ее смерти Юля почувствовала: что-то ушло безвозвратно, в ней самой что-то умерло навсегда. Пусть отец уделял ей в сто раз больше внимания, пусть они с матерью никогда не были близки... Есть какие-то нити, которые порвать невозможно.

Чего Кате не хватало, что мешало ей вести нормальный образ жизни, от чего она «с жиру бесилась», как сказала бы какая-нибудь тетя Клава из подъезда многоэтажки? Сие Юле неведомо, как и подробности взаимоотношений родителей. Ничего кроме бесконечных скандалов, изредка доходивших до взаимного рукоприкладства, она вспомнить не может.

После смерти жены Иван Сергеич занялся воспитанием дочери еще плотнее. И основным лейтмотивом его воспитательной работы стало вот это вот: «дурная наследственность, ни

в коем случае не повторить судьбу профурсетки-алкоголички-тунеядки, уж я из тебя, Юлька, человека сделаю, хочешь ты этого или нет!»)

2

С утра темно, мерзкий дождь так и льет со вчерашнего вечера. Конец сентября, в октябре в Сибирск придет самая настоящая зима, и вместо этого дождя с неба посыплется мокрый снег.

Юля, обряженная в строгий серый костюм, черные сапоги на шпильке, в кожаной куртке, слегка снижающей градус всего этого официоза, садится в свой белый внедорожник. Ей плохо, некомфортно в этой одежде. Ей отвратительно в такую рань находиться где-либо, кроме собственной постели. Ей тошно от абсурда ситуации, ходить на службу за деньги, на которые даже сумочку приличную не купишь! Все это словно дурной сон...

***

Юля не спеша рулит по залитым дождем улицам, то и дело попадая в небольшие заторы. Впрочем, объезжать их девушка не спешит. Опоздает, так опоздает, плевать. Быстрее ее выгонят из этой шарашкиной конторы, быстрее мозги у отца на место встанут.

...Так, что там за адрес? Переулок Строителей, Строителей... Вот улица Строителей, переулок-то где? Навигатор направляет ее в какие-то дебри. Она здесь никогда не была, ну и райончик. Одни работяги, небось, здесь живут.

Хосспади! Опять какой-то проспект! Где, где этот чертов переулок!? Куда он мог подеваться!?

В отчаянии Юля паркует машину возле обочины и кричит какой-то маргинального вида, похожей на алкоголичку, тетке (больше поблизости никого и нет):

– Девушка! Де-е-евушка-а-а-а! Переулок Строителей, десять! Не подскажите-е-е-е?

Представительница местного бомонда, видимо, обрадовавшись «девушке» (что-то в ней еще осталось женское, не все пропила), приветливо машет рукой и скандирует:

– Дык! Это ж бывший завод! Прямо езжай отсюда! Упрешься!

С облегчением вздохнув, Юля рвет с места. Ну и маршрут! И что теперь, каждый день так петлять? Ладно, теперь хоть ясно куда ехать.

...Девять тридцать. Да уж. Заброшенный завод Юля нашла без труда, долго ломала голову, куда поставить машину. Район-то стремный. Наконец, припарковалась возле кафе неподалеку, которое выглядело более-менее прилично. Минут пять еще пришлось идти пешком. И вот, злая, промокшая, взлохмаченная Юля стоит перед дверью офиса номер семнадцать, не решаясь позвонить в дверь.

Ладно, перед смертью не надышишься. Дзынь-дзынь.

Дверь ей открыла девица вида более чем странного. Юля аж опешила, сто лет таких клоунов не видела. Высокая, в очках, тощая как смерть. Образ смерти дополняла длинная тонкая косица, свисающая до самой жопы. Впрочем, жопы у девицы не было от слова «совсем». И, не сказав ни слова, глиста в очках скрылась в недрах офиса. Юля шагнула следом.

Увидев внутри относительно приличную обстановку, являющую сильный контраст с обшарпанными коридорами бывшего завода, и полного мужичка лет пятидесяти, Юля выдохнула. Что ж, все могло быть и хуже.

– Это – бюро переводов «Полиглот»?

– Так точно, барышня. Что вам угодно?

– Вы – Сергей? Я – новый переводчик, Юля. Вас должны были предупредить, я...

– Да-да. Опоздываете в первый рабочий день, барышня. Нехорошо, ай-ай-ай. Я не Сергей, я Виктор Ильич – тоже переводчик. А это – Анечка, еще один переводчик, ха-ха, и по совместительству секретарь. А Сергея нет. Так что повезло тебе, нагоняй сегодня не получишь. Я уж, так и быть, стучать не стану, хе-хе.

Вот нахал! Отчитывать он ее еще будет! Юля собрала всю свою волю в кулак, чтобы не взорваться, и сказала холодным тоном:

– Виктор Ильич. Очень приятно. Видите ли, Виктор Ильич. У меня дорогая машина. Очень дорогая. Охраняемой стоянки возле вашего офиса не имеется, поэтому я была вынуждена оставить машину возле ближайшего более-менее приличного кафе, там все-таки видеокамеры, а потом идти пешком до самого здания. Так вот, Виктор Ильич. Все это заняло немало времени, поэтому я и опоздала. Может, еще какие-то вопросы?

– Фу-ты, ну-ты, рожки гнуты! Во дела! Как же вас, барышня на дорогой машине, в наш шалаш-то занесло? Врешь небось?

Юля смерила толстяка ледяным взглядом. Достала из сумочки ключи и помахала перед носом у новоиспеченного коллеги.

– Еще вопросы? И попрошу обращаться ко мне на «Вы».

– Да ну, брось, буду я тебе «выкать», ты мне в дочки годишься. А на машину молодец, что заработала в таком молодом возрасте, я ж ничего...

Настаивать Юля не стала, ты так ты, в конце концов, толстяк и вправду ее на четверть века старше. Она и так его неплохо заткнула.

– Вот и прекрасно. А теперь давайте работать. Что у вас тут и как? Показывайте.

Юлин уверенный тон явно сбил мужика с толку. По крайней мере, вразумительного ответа Юля от него не дождалась, так, невнятные междометия.

– Ой, девушка, давайте вы подождете директора, он вам все и объяснит. Вот, можете пока тут присесть.

(То девица в очках подала голос, тоненький такой, дребезжащий, как у старушки.)

– Ну, директора, так директора.

Юля уселась на указанный очкастой стул и замерла, всем своим видом показывая, что дальнейшее – не ее забота.

...Когда он вошел, она подумала: наверное, курьер какой-нибудь, рекламщик, распространитель всякой фигни, как они там называются...? Потому что ну никак он на директора не тянул. Молодой, чуть ли не младше самой Юли, светленький, подтянутый, в джинсах. Ничего такой.

Юля даже машинально поправила рукой прическу, впрочем, прическу ее уже мало что могло спасти. Она пребывала в безобразном состоянии с утра, после беготни под дождем. И останется таковой до самого вечера, до тех пор, пока Юля не вымоет голову и не разгладит все заново феном и утюжком. Вот черт!

– Юля, очень приятно с вами познакомиться. Сергей, директор этого бюро. Вас рекомендовали как отличного специалиста! Надеюсь, сработаемся! Осваивайтесь пока тут, обживайтесь. Как будет задание – сообщу!

И, продолжая улыбаться самым располагающим образом, скрылся в своем кабинете. Вот это поворот, подумала Юля. Только не обязательно было при всех упоминать про ее блат, ну да ладно...

– ВидАла? Красаве-е-ец... Девки сохнут.

Развязный Виктор Ильич, похоже, опять лезет на рожон. Смотри, зубы не пообламывай, дядя.

– Да что вы говорите. Не в моем вкусе. И вообще, я сюда работать пришла, а не глупостями заниматься.

Очковая змея зыркнула на нее из-за угла. Или показалось?

Вообще, Юля, можно сказать, выдохнула. Одно совершенно очевидно: напрягать работой ее здесь никто не собирается, заказов явно мало, на ладан дышит контора. Правда, высидеть с девяти до шести все равно придется... Проклятый отец, чтоб ему коньяк поперек горла встал!

Впрочем, может, получится как-нибудь потом договориться... Директор, молодой парень, вроде вменяемый. И симпатичны-ы-ы-й... А симпатичных мужиков Юля любит, ох как любит!

***

После обеда, наведавшись в ближайшее кафе, то самое, возле которого пришлось парковаться, сытно перекусив и поболтав по телефону с Леркой, Юля, как ни странно, воспрянула духом. Сама от себя не ожидала, даже злость на отца куда-то ушла, и мерзкий офис уже не казался таким мерзким.

В конце концов, свалить отсюда она всегда успеет. А пока – пока можно рассматривать это просто как забавное приключение, такой своеобразный экстрим для тех, кому привычный образ жизни слегка поднадоел, это как люди ездят по всяким там джунглям, трюцобам... А Юлю, положив руку на сердце, бесконечные шатания по салонам-бутикам на пару с безмозглой подружкой, под аккомпанемент бесконечных разговоров о брендах, косметологах и модных тенденциях и правда достали, да еще как. Как-то жаждала ее душа уже другой пищи. Перемены – это далеко не всегда плохо.

...Досиживая в тесном кабинете последние часы, получасы, минуты (которые, надо сказать, тянулись мучительно долго), Юля сама поражалась своему оптимизму. Откуда что взялось?

Никакого задания по работе она так и не получила.

***

Ровно в шесть все рванули домой. Виктор Ильич с глистой свернули к остановке, а Юля пошла забирать своего белого друга.

Машина так и простояла весь день, без всякой охраны, на обочине кафе, не в самом приличном районе. Слава богу, колеса не сняли и лак не поцарапали! А завтра она попросит официантов, чтоб присматривали. Другого выхода нет.

Конечно, случись что-то с джипом, можно было бы предъявить отцу по полной. По чьей милости она торчит в этом гетто!? Но Юля любила свой «Лексус» как живое существо, и каждая царапинка на его белоснежной боковине была для нее словно ножом по сердцу.

Сев в машину, Юля включила радио на полную мощность. Динамики завывали какую-то попсовую песню из девяностых, но Юле было уже лень переключать. Она хотела домой, все-таки целый день, проведенный в серых обшарпанных стенах бывшего завода, в окружении однотипных панельных многоэтажек ее вымотал. Ей хотелось привычного комфорта и красоты вокруг себя.

А завтра можно и не вставать так рано, Сергей все равно до десяти не придет, а глеста с Виктором Ильичом... да пусть только посмеют ей что-то сказать! Она их мигом на место поставит!

И серый костюм она завтра надевать не будет. Наденет короткое черное платье.

3

(Тысяча чертей! Она просидела как полная дура в черном мини-платье, тонких колготках и сапогах на десятисантиметровой шпильке ровно с десяти до часа, под ехидным взглядом Виктора Ильича и осуждающим – очкастой гримзы. Неужели обед, наконец, настал!)

Юля недовольно цокала каблуками по асфальту. Надо же, даже не соизволил в офис явиться, директор хренов! Почему это ее так взбесило, она и сама не понимала, но...

– Юля! Здравствуйте! Куда держите путь?

А-ха-ха-ха! На ловца и зверь бежит! Юля инстинктивно приняла позу соблазнительней и проговорила томным голосом:

– В центр поеду, обедать. Компанию не составите, гражданин начальник?

Он явно удивлен, но... Отказаться ему будет трудно, ведь Юля – само дружелюбие, и без всякой там двусмысленности, о чем говорит ее открытая улыбка и в меру фамильярный тон.

– Что ж... А... В принципе, почему бы и нет? Только я машину уже поставил, потом место не найти будет...

Он уже и выбрался из своей машинки, бюджетного фокуса, блин, некрасиво сейчас получится, что у нее машина круче, чем у него, хотя... Плевать!

– Так поехали на моей! Я ее подальше поставила, возле кафе одного. Так что, Сергей, идемте?

...Естественно увидев ее авто, он присвистнул. Забираясь с растерянным лицом на пассажирское сиденье, пробормотал:

– Юля, вы точно уверены, что хотите у нас работать? Боюсь, я не потяну столь высокооплачиваемого сотрудника.

– Да ну, Сергей, бросьте. Никакой я не высокооплачиваемый сотрудник. Отец у меня богатый просто. Учредитель ТрансСибНефти, Строгов, если вам это о чем-либо говорит.

(Да, вытянулось у него лицо-то. Обычно Юля не любит вот так вот с места в карьер афишировать свой статус. Чтобы людишек лишний раз не нервировать, чтобы не подумали, что она банально понтуется. Но с Сергеем ей так уютно и спокойно, совсем не хочется ломаться и что-то там из себя изображать, чем она в действительности не является).

– Короче, папаня отправил меня к вам опыта набираться. Чтобы потом, в будущем, я смогла открыть аналогичную фирму. Не обязательно бюро переводов, просто что-то в сфере услуг. Так что не соскочу, не бойсь, год проработаю как минимум, опыт-то набирать надо. Ой! Ничего что я на «ты»?

– Все нормально, расслабься. Мы ж не какие-нибудь пенсионеры. Давно пора было на «ты» переходить. (Подмигивает). А твой отец, наверное, очень много работает?

– Да ни хрена он не делает, старый пердун. В бассейн ходит, вискарь дует, да девок трахает, вот и все его занятия.

– Юля!

– Ну а что? Нет, ну если это правда? А-ха-ха-ха... Ну, там в молодости он конечно пахал как проклятый. Это он МНЕ так рассказывает. А на самом деле... В девяностых, как и многие, в общем, ты понимаешь... Теперь вот вообразил себя таким американским миллионером на пенсии, отправляющим нерадивого отпрыска работать официантом, чтоб вкус жизни, так сказать, почувствовал.

(Юля эффектно перемежает сниженную лексику с высоко литературными оборотами, она это умеет делать как никто другой. Филолог по образованию, да. Пусть видит, она – не очередная там тупая соска.)

А он явно впечатлен. Поглядывает на нее с неприкрытым интересом. Юля быстро обгоняет по встречной каких-то зевак и плавно возвращается в полосу, потом вырывается во двор,

чтобы развернуться и объехать пробку никому кроме нее неизвестным способом. Сергей наблюдает за ней уже не с интересом, с восхищением.

– Классно водишь машину! Я таких девушек еще не встречал!

– Ага, меня отец с восьми лет дрессировал. Он так-то пацана хотел, а родилась я.

– А твоя мама кого хотела?

– Мама умерла.

– Юля... Прости...

– Ничего, это было давно. Я еще в школе училась.

И, как ни в чем не бывало, порулила дальше, объезжая раскорячившийся на две полосы трактор.

***

Юля и Сергей сидят за столиком в кафе, друг напротив друга. На Юле – то самое черное платье, которое она загадала надеть накануне. Строгое, но соблазнительное. Юля чуть полновата, зато ей есть, что положить в декольте.

Уже и меню принесли, а пауза все длится и длится. Нет, с этим надо брать инициативу в свои руки, думает Юля.

– Сергей, а Расскажи что-нибудь о себе.

– Ну что тебе рассказать? Закончил нархоз, долго работал простым менеджером. Три года назад открыл вот эту самую контору. Что еще? Да, женат, есть дочь Анжелика, два года.

– Ого! А я-то думала тебе лет двадцать пять, правда! Ты очень молодо выглядишь!

(Упс, опять женатик! Да что ж такое...)

– Правда? Что, несолидный такой?

– Да нет, при чем тут. Просто какой-то легкий, спортивный, подтянутый.

– Ага, в качалку хожу регулярно.

(Да, кто бы сомневался. Это именно тот типаж, который регулярно ходит в качалку.)

– А я, знаешь, так устала бездельничать, что мне вся эта офисная тема даже как-то в кайф. Не думала, что так будет, правда. Отца проклинала последними словами, аха-ха-ха, как вспомню! А у тебя в офисе очень даже приятненько, знаешь. Никакого там лишнего официоза, диктатуры. И работа не такая уж сложная.

(Блин, да что ж такое! Весь разговор на себе тянуть приходится, можно сказать! Неужели ему с ней неинтересно?)

– А то. Ты, Юлька, сразу видно, способная, сообразительная, языки хорошо знаешь. Для тебя эта работа будет, как орешки щелкать.

(Ну вот. Хоть похвалил. Лучше бы комплимент ее внешности сделал. Интересно, она ему как девушка хоть чуть-чуть нравится? Напрямую же не спросишь).

– Сережа, ну что мы все о работе? Успеем еще. Ты мне лучше фотку дочки покажи, если есть, я жуть как люблю маленьких детей, аж пишу!

(Ложь, наглая и ни чем не подкрепленная ложь. Юля мелких засранцев терпеть не может, но сейчас он растает, покажет фото дочки, а там и до жены не далеко. Надо же знать с кем имеем дело).

Расчет оказался верным. Расплывшийся в улыбке Сергей тут же принялся тыкать пальцем в экран айфона и уже через минуту Юле были предъявлены снимки пергидрольной завитой и насоляренной девицы, прижимающей к себе пухлощекого слюнявого младенца. Или не младенца, черт их разберет.

М-да, ну и вкус у тебя, Сергей Владимирович! ПТУ какое-то, смазливое, но ПТУ. Вслух, впрочем, приходится говорить совсем другое.

– Ух ты, везет тебе, Сережа! Какие красавицы обе! А у меня вот с личной жизнью тухляк. Не складывается совсем.

– Да ладно! У такой королевы и не складывается!

(Вот. Во-о-от. Уже теплее, правда не понять до конца, что же он имел в виду, ее неземную красоту или ее шикарную машину?)

– Знаешь, все сложно. Вот я месяц назад рассталась с очередным мальчиком. Да-да, именно «мальчиком». Двадцать пять лет, а сам по себе, без папы – полный ноль. Все за папины деньги, за папиной спиной. У меня в окружении все такие. А я люблю мужчин, которые сами всего добиваются. Вот как ты, например.

– Да ну, скажешь тоже. Чего я там добился? Знаешь, я ведь на бизнес кредит взял, а деньги до сих пор не отбил даже наполовину. Блин, Юль, тебе хорошо говорить, а я, бывает, и позавидую этим, которые... за папины деньги.

(Ой, какой милый, бесхитростный! Просто лапочка! И общается с ней уже как с близким другом, а они второй день знакомы. Лед тронулся, лед тронулся, господа присяжные заседатели!)

***

Ровно в шесть десять Юля нажала на педаль газа и лихо тронулась с места. Давно у нее не было такого прекрасного настроения! Работа в офисе оказалась совсем не такой страшной, как она представляла. Да там самой работы-то на три часа. А в оставшееся время Юля вольна делать, что захочет: пить чай, сидеть в Интернете, флиртовать. Флиртовать.

Осеннее солнце яростно слепило глаза. Даже не верится, что еще вчера шел затяжной дождь. Так, о чем она это она только что подумала? О флирте.

Если честно, новость о том, что Сергей женат, не так чтобы ее огорчила. Если очень-очень честно – несвободные мужчины привлекали Юлю даже больше. На них можно было охотиться, расставляя силки и задыхаясь от азарта, можно было чувствовать себя амазонкой, победительницей, которая сделала лохушку-соперницу.

Когда мужчина за тобой сам бегаешь и на все готов – да разве же это интересно? Юля поморщилась, вспомнив собачьи преданные глаза Артема. Фу-фу-фу просто! То ли дело Сергей! Мало знакомый, женатый, на сто процентов в ее вкусе внешне. М-м-м. Сильный, большой, наверняка он хорош в постели...

Нет, можно и годик даже поработать, а там требовать с отца обещанную фирму. Старый пидарас не отвертится.

...Заметив возле обочины знакомую сутулую фигурку, Юля чуть притормозила. Очкастая Анечка (глисту все звали исключительно Анечкой, не Аней, не Анной, и даже не Анютой, как будто желая лишний раз подчеркнуть ее жалкость), понуро брела по асфальту, опустив голову вниз.

Юля высунулась из окна, приветственно помахала рукой.

– Эй, горемычная, до остановки подбросить?

Убогая помотала головой, зыркнув на Юлю исподлобья. Почему-то она совсем не удивилась, как будто ждала ее здесь. На секунду Юле показалось, что за толстыми стеклами очков, словно лезвие сверкнуло, полоснув по сидящей в машине девушке. Может, она одержимая?... Все, пора завязывать с ужастиками.

– Ну не хочешь, как хочешь. Пока, до завтра.

Что с ней происходит? Только что Юля совершила абсолютно не свойственный ей поступок. Когда это она успела стать доброй самаритянкой, сажающей в свой любимый «Лексус» всякое убожество? Неужели знакомство с Сергеем на нее так повлияло? Дурочка, даже не думай в него влюбляться. Секс и только секс.

4

Она казалась сама себе самым несчастным человеком на свете. Нет, не человеком даже. Жалким червяком, который полз-полз себе по влажному асфальту, по-своему радуясь жизни, насколько это вообще в таких обстоятельствах возможно, пока чей-то острый каблук-шпилька не пригвоздил его к этому асфальту раз и навсегда.

...Анечка бредет по улицам Сибирска куда глаза глядят, не разбирая дороги. Какая разница куда? Какая разница, дойдет ли она сегодня вообще до дома или так и будет блуждать по улицам города, без цели, без смысла, без надежды.

Она давно смирилась с существованием Алисы как с неизбежным злом. Ведь Анечка безнадежно любит Сергея уже... страшно сказать, три года. И все это время белокурая Алиса была с ним, залетала в их пыльный офис на пол часика, словно бабочка, беззаботно щебеча. Потом приходила тяжелой поступью, обхватив изящными ручками беременный живот. Потом приводила свою голубоглазую Анжелику, точную копию себя самой.

В общем, Анечка к Алисе привыкла, как привыкают к грохоту трамвая за окном. Не нравится, раздражает, но что поделаешь? Сергей все равно никогда не полюбит такую, как она, Анечка, некрасивую очкастую старую деву двадцати шести лет от роду.

В общем, стала она воспринимать Алису и Сергея как одно целое. Она ведь сама по себе даже милая, если абстрагироваться от того, что она – жена Сергея. Наступив себе на горло и на все что только можно, Анечка с Алисой подружилась. Сначала было тяжело, почти невыносимо. Но дружба эта обеспечила Анечке столько бонусов, что теперь она может твердо сказать самой себе: оно того стоило.

Во-первых, возможность видеть Сергея еще чаще. И в неформальной обстановке. Алиса ее жалела, считала несчастной одинокой девочкой, которая никак не может найти свою любовь. Откуда этой умственно отсталой было знать, что свою любовь, нет, Любовь, Анечка уже нашла, и ничто и никто этого не сможет изменить. Так или иначе, на все праздники эта дурочка ее исправно приглашала, регулярно пытаюсь с кем-то познакомиться. А для Анечки это – просто повод лишний раз увидеть Сергея, вот и все.

Во-вторых, дружба с Алисой гарантировала уверенность в завтрашнем дне. Даже если случится так, что они с Сергеем больше не будут работать вместе (что маловероятно, ведь она – его правая рука, но в жизни надо предусмотреть все, как учила ее бабушка), из ее жизни он не исчезнет. Она всегда сможет прийти в гости к Алисе и видеть его, слышать его голос, разговаривать с ним. Если она не будет его видеть, она просто не сможет дышать. Это Анечка знала совершенно точно.

Ну и в-третьих. Лучше Алиса, привычная и в чем-то даже родная, чем другие женщины. А в том, что при Алисе Сергей на других и не посмотрит, Анечка была совершенно уверена. До сегодняшнего дня.

***

(Эта кукла ей сразу не понравилась, с первого момента, еще до того, как Анечка успела ее толком разглядеть. Холеная, самодовольная, цветущая, с челкой, как у пони. Было совершенно очевидно: ЭТА работать не станет. А значит, работать за нее будут другие, то есть Анечка. Виктор Ильич не в счет.

Что ж, ей не привыкать. Сколько здесь уже таких перебивало, всего-то за три года существования бюро. Все чьи-то дочери, жены, племянницы, знакомые знакомых. И всем нужно: откосить от распределения, наработать стаж перед декретом, пристроить трудовую книжку. Все что угодно, только не работать. А Сергей, добрая душа, ничтоже сумняшеся, сажает этих паразитов себе на шею. И главное, больше, чем на полгода еще ни одна не задержалась! Но мы же ничему не учимся! Будем продолжать наступать на одни и те же грабли!

...В первый день новенькая, еще не освоившись, вела себя достаточно тихо. Немного попрепиралась с Виктором Ильичом, но в целом ничего такого. А вот сегодня...

Заявилась в вызывающем платье, еле прикрывающем добротную попу. Не застав Сергея на рабочем месте заметно огорчилась и просидела надутая, как мышь на крупу, до самого обеда. Эта девочка явно привыкла получать все, что захочет, и по первому требованию.

Едва прозвенел сохранившийся еще с заводских времен звонок на обед, выскочила из кабинета как ошпаренная. Анечка только успела удивиться, а Виктор Ильич шутиливо-мрачно констатировал:

– Да, дела. За директором бегать будет, вот увидишь.

Анечка еще подумала, что за бред, нужен ей Сергей, у таких фиф другого уровня кавалеры, нежели директор маленького бюро. Вот Виктор Ильич, ему бы только сплетни распускать, лишь бы не работать! Как бабка на лавочке!

А потом, потом... Виктор Ильич-то как в воду глядел. Анечка, в обед по-быстрому забежавшая в магазин, возвращаясь в здание, наткнулась взглядом на сладкую парочку, выходящую из дорогой машины. Каково же было ее удивление, нет, шок, когда в этой парочке она опознала Сергея и Юлию).

...Работать после обеда она уже не могла. Сидела в своем уголку, уставившись в одну точку, благо никому не было до нее особого дела. Мысли суетились в голове, наплывая одна на другую, сталкиваясь и кружась в хаотичной вакханалии.

Он же никогда не был бабником! За все три года Анечка не видела его с девушкой, женщиной, кроме Алисы. Хотя у них в офисе и красотки, бывало, работали, пусть недолго, но – работали. А эта – очень средненькая. Во всяком случае, до Алисы ей далеко.

Позвонить Алисе, доложить ей все, пусть пресечет на корню, пока это не зашло слишком далеко? Да, это будет выглядеть по-дурацки, как будто ей больше всех надо, но другого выхода Анечка не видит. И дело не в ревности, вернее не только и не столько в ней.

***

Она целый день пристально рассматривала эту Юлю, и так, и этак, косилась исподтишка, пытаясь понять: она, не она? Похожа, очень похожа, но с другой стороны этот типаж «круглое лицо, занавешенное челкой» очень и очень распространен, да и столько времени прошло... Попробуй вспомни, как выглядел человек больше десяти лет назад. И все-таки было, было что-то неуловимое, что неумолимо и безжалостно напоминало ей ТУ. Голос, повадки, движения... Все-таки этот образ когда-то врезался ей в память как никакой другой. И имя то же. Фамилию она не запомнила, все-таки в разных классах учились и даже на разных параллелях. Но вопреки здравому смыслу Анечка была на 99% уверена: это ОНА, а не просто похожая девушка.

Сама Юлия ее, естественно, не узнала, да и вряд ли вообще помнила, что была когда-то такая девочка в очках и с тощей косичкой, которую она чуть не довела до ручки.

5

На следующий день, нагло отпросившись после обеда до конца дня, Анечка шагала к троллейбусной остановке. Надо же, никогда не позволяла себе такого (отпрашиваться на полдня), а он и глазом не повел. Неудивительно, что все так и норовят сесть ему на шею, он же абсолютно не умеет командовать, приказывать, запугивать. А с нашими людьми без этого никак, да.

Главное, чтобы он не узнал, что была она у Алисы, а вовсе не у зубного врача. Впрочем, Сергею сейчас что Алиса, что подчиненные... Все до лампочки. Перед уходом она успела увидеть, как кукла с челкой направляется в его кабинет, расправляя на плечах полупрозрачную блузку. А значит – будет еще один бизнес-ланч.

Троллейбус полз еле-еле. До Алисы недалеко, но такими темпами... Господи, неужели она действительно собирается все Алисе рассказать? Неужели она решится на такое!? И что потом? Что сделает Алиса? Поставит ультиматум мужу, от которого полностью зависит? Заявится к ним в офис вся из себя, как она это любит, и Юля померкнет на ее фоне и забьется в угол? А что, вариант.

В любом случае, она должна что-то делать, должна. Эта Юля... Анечке глубоко отвратительна такая порода людей. Избалованная дочка богатого папы, которая смотрит на окружающих, словно на мусор. Ах, как же хочется таких ставить на место и как же редко это удается сделать!

Она уже хотела бы больше не думать об этом, но воспоминания лезут сами, лезут из всех щелей, и остановить их бесконечный поток не представляется возможным.

(...Аня рано лишилась родителей, воспитывала ее одна бабушка. Она помнила, очень смутно помнила, что когда-то очень давно жила по-другому. Дом полная чаша, веселый папа, смеющаяся красotka-мама. Автокатастрофа положила всему конец.

Нет, Анечка и прежде всегда была робким, тихим ребенком. Но после смерти родителей она стала просто забитой. В школе ее жалели, не обижали ни учителя, ни одноклассники, видно уж очень беззащитной и раненой жизнью она выглядела.

Все было так, пока ее не заметила девочка на класс младше, богатая, избалованная и непонятно по какой причине скучающая в обычной Сибирской школе. Да, ее отец был какой-то там супер важной шишкой, об этом не судачил только ленивый.

Почему он не отправил свою дочь учиться, скажем, в Англию? Юля была, кроме прочего, довольно способной и школьная программа давалась ей легко, можно сказать, играючи. От избытка энергии и свободного времени девочка собрала вокруг себя свиту поклонниц и подражательниц по всей школе. А сделать это было совсем не сложно: заграничные шмотки, эксклюзивные игрушки, уже начавшие появляться в то время гаджеты – все это притягивало сверстниц словно магнит.

Они ловили каждое слово своей повелительницы, а уж если кого приглашали «в коттедж»... Таких немедленно повышали в ранге, даже если до того считали пустым местом.

Группа единомышленников вокруг Юли росла, а где есть сплоченная группа, там всегда найдется и изгой, объект для травли.

Почему, почему выбрали именно ее??? Анечка столько лет ломала голову над этим вопросом. Она знала одно – она не сделала ничего, чтобы это заслужить, никогда никого не задела ни словом, ни взглядом. Быть может, Юля, сама втайне от всех страдавшая в тот период (говорили, мать умерла), нутром почуяла «сестру по несчастью»?

Как бы то ни было, пубертат взял свое. Однокашницы, еще вчера опекавшие робкую Анечку, словно с цепи сорвались. Желая выслужиться перед своей «королевой», на что они только не шли. Портили вещи, которых и так было немного, рисовали карикатуры, караулили после уроков, выкрикивая вслед обидные стишки, старательно сочиненные накануне.

Физического насилия не применяли – это было бы слишком примитивно. Но много ли ей, и без того обиженной судьбой, было надо!? Больно, Господи, как больно это вспоминать, даже сейчас!

...После того, как бабушка нашла в портфеле внучки упаковку со снотворным, было принято решение менять школу).

А теперь... вот она, Юля, собственной персоной, вновь ворвалась в ее жизнь как стихийное бедствие.

***

Алиса открыла дверь при полном параде. Как всегда, густо покрашена, одета в велюровый домашний костюмчик, выбеленные локоны аккуратно разложены по плечам. Даже далекой от мира гламура Анечке было совершенно очевидно: Алиса изо всех сил стремится к миру «лакшери» (или как это там называется), но недотягивает, отчаянно недотягивает. В их с Сергеем съемной квартире все украшено розово-позолоченными предметами декора, но опытный глаз сразу поймет – с рынка.

Впрочем, Анечке все это малоинтересно.

– Ань, привет. Проходи. Чай, кофе?

– Кофе, если можно.

Алиса, единственная из всех знакомых, не звала ее Анечкой. Уже за одно это ее можно было, если не любить, то... В любом случае, особого выбора у Анечки нет.

Алиса шествует на кухню изящной походкой полностью уверенной в своей неотразимости женщины. Розовый велюр аппетитно облегает пятую точку. Анечка семенит следом, быстро, на ходу избавляясь от обуви, сумки, куртки.

Хозяйка квартиры, между тем, по-быстрому варганит растворимый кофе и со вкусом закуривает. Курит Алиса красиво, даже как-то шикарно. Это делает ее еще чуть более вульгарной, но эта вульгарность она какая-то... притягательная, что ли. Анечка ловит себя на мысли, что в глубине души она, наверное, хотела бы быть «такой» – крашеной блондинкой, с загаром из солярия, с сигаретой. Быть может, тогда Сергей посмотрел бы на нее другими глазами... Но куда ей. На ней это все будет как на корове седло. У нее на лбу написано: «правильная зануда-отличница», и, кажется, это клеймо не смыть уже никогда и ничем.

Потом Алиса вальяжно расхаживает по маленькой кухне, выгибаясь как кошка и с наслаждением затягиваясь, а Анечка несмело, бубня себе под нос, повествует о новой сотруднице даже не понимая: слушают ее или нет. Ей, как и всегда, безумно тяжело дается монолог: она сбивается, не может подобрать слов, в общем, красноречием не блещет. Удивительно ли, что рассказ ее не производит особого впечатления? Алиса лениво роняет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.